

и Достоевского, говорит довольно ясно о признанном авторитете этих писателей¹.

В продолжении этого спора о целях и назначении искусства, о реализме, о перспективах его развития и соотношении с другими художественными методами и течениями, развернувшегося с новой силой в начале 20 века, пример русского романа приводился неоднократно. На данном этапе ставился, в первую очередь, вопрос о глубине и широте охвата в изображении действительности, об отношении художника к жизненному материалу и, следовательно, о роли идейной позиции с которой этот материал оценивается. Отвечая критику Х. Саниелевичу, обвинявшему в безнравственности произведения Садовяну, на основании того, что в его повестях и рассказах раскрываются беспощадно темные стороны действительности, Г. Ибраилэну² отстаивал принцип всестороннего изображения жизни без каких-либо «запретных» тем или сюжетов и напоминал, что «крупнейшее произведение самого моралистического и морализирующего романиста, Анна Каренина Толстого, является историей адюльтера...»

Примечательно, что и другие участники полемики, среди которых К. Сэтяну,³ выступавшие также против тематического ограничения и «пуризма», как преград для развития полноценного реалистического искусства, обращались одинаково к творчеству русских писателей: Толстого, Достоевского, Горького. Этот факт подчеркивал не только широкопризнанный авторитет русского романа, но и его значение эстетического мерила в оценке различных литературных явлений и утверждении теоретических принципов. Одновременно следует подчеркнуть, что обращаясь к русскому роману и используя его творческие примеры в борьбе за идейную, реалистическую литературу, передовые румынские критики и, в особенности, Доброджану-Геря и Ибраилэну не рассматривали его изолированно, как некое замкнутое явление, а постоянно сопоставляли с другими родственными явлениями и, в первую очередь, с французским романом⁴. Такие сравнения между произведениями Тургенева, Толстого, Достоевского, Гоголя и романами Флобера, Мопассана, Золя, Бальзака преследовали выявление целого ряда отличительных и новаторских черт русского романа, с целью наметить перед румынскими писателями путь использования, переработки и продолжения его традиций. И если Чезар Петреску обратится несколько позже к своим собратьям по перу с открытым призывом: «пусть наши искания направляются по столь плодотворному пути, по которому шли Толстой, Гоголь, Достоевский, Горький...»⁵, то основы

¹ См. по этому вопросу статьи, опубликованные в газете *Epoca* в конце 1896 и в начале 1897 гг. за подписью NICOLAE FILIPESCU и AL. ANTEMIREANU (*Epoca politică și literară, Curentul idealist, Literatura și curentul idealist, După furtună etc.*).

² G. IBRAILEANU, *Doi critici și mai mulți scriitori*, «Curentul Nou», 1905, 15.XII, стр. 79—101.

³ C. SĂTEANU, *Polemici literare*, «Gazeta Moldovei», 1905, II, XII стр. 1—2.

⁴ См. G. IBRAILEANU, *Probleme literare*, «Viața Românească», 1906, No 7.

⁵ ION DARIE (CEZAR PETRESCU), *Spre literatura rusă*, «Gîndirea», 1921, 1.X, p. 201.